№ 2 (4)
апрель 2007 г.

Глусская ПАНОРАМА

Газета районного клуба избирателей

ФИАСКО ГЛУСКОЙ МИЛИЦИИ

Продолжение.
Начало в предыдущем номере.

СЮРПРИЗЫ В ПРОТОКОЛЕ

Не согласившись с приговором, Евгений Смоляков решил обжаловать его в областной суд. Для этого ему нужно было ознакомиться с протоколом судебного заседания. Закон отводит 10 дней суду на изготовление протокола и такой же срок обвиняемому на составление кассационной жалобы, причем оба срока отсчитываются с момента оглашения приговора. В таких случаях, чтобы не пропустить срок для обжалования, приходится составлять кассационную жалобу без учета протокола, а после ознакомления с протоколом - дополнение к основной жалобе.

Е. Смоляков так и поступил. В положенный срок подал в суд кассационную жалобу и стал ожидать протокол судебного заседания. Но в положенный срок протокол оказался не готов. И только после жалобы в суд на волокиту обвиняемый получил возможность познакомиться с этим документом.

То, что он там увидел, потрясло его до глубины души. В протоколе, составленном секретарем А. Губарь и подписанном судьей К. Лях, не было указано то, что говорилось в ходе судебного разбирательства, и в то же время было написано то, что там не говорилось. Причем фантазии на тему прошедшего разбирательства носили явный обвинительный уклон.

Неизвестно, как могло бы дальше обернуться дело, если бы у Е. Смолякова не оказалось магнитофонной записи всех заседаний суда, которую по его просьбе сделали знакомые.

Прослушав аудиозаписи и сравнив их с протоколом, обвиняемый составил замечания на протокол, которые включили в себя 43 пункта на 13-ти страницах. Причем это были далеко не все расхождения, обнаруженные в протоколе. На более глубокий анализ многостраничного документа не хватило времени. В поданных замечаниях Е. Смоляков просил оповестить его о дате судебного заседания, на котором их будут рассматривать, чтобы присутствовать на нем.

В замечаниях он указывал:

«В протоколе указано (л.д. 243):

«На вопрос прокурора Савостеева, как вы поняли, кому было адресовано слово «свора» свидетель Уткин показал:

Смоляков произнес его, как бы ни к кому не обращаясь. Произнося это - он обходил свой микроавтобус и в это время ни на кого не смотрел. Но сказал «свора подъехала», как я понимаю, в адрес сотрудников милиции. В свой адрес данное высказывание я не воспринял. Я там уже находился, а подъехали сотрудники милиции. Смоляков был возбужден, недоволен тем, что у него требуют документы и, как я понял, это слово вырвалось у него в сердцах».

Данное показание передано неверно. Уткин не говорил, что «сказал «свора подъехала», как я понимаю, в адрес сотрудников милиции». Уткин также не говорил, что «Смоляков был возбужден».

В действительности Уткин сказал:

«Потом, когда начал выходить из машины, то есть машина вот так стояла, он так вот сюда выходил, как раз подъехала милиция, он у его, как он сказал «свора понаехала», но он ни к кому не обращался, ни ко мне, ни это самое, заходил вот так вот вперед машины».

Здесь ясно видно, как составители протокола пытаются приписать А. Уткину мнение о том, что слова «свора подъехала», произнесенные Е. Смоляковым, он считает высказанными в адрес сотрудников милиции, в то время, как военком в действительности ничего подобного не говорил.

В своих замечаниях Е. Смоляков также привел следующий факт:

«Далее в протоколе указано:

«На вопрос адвоката Галиева, представился ли начальник милиции, подойдя к Смолякову, и требовал ли он у него документы, свидетель Уткин показал:

Я видел, как начальник милиции подошел к Смолякову и слышал, как он требовал предъявить документы, какие именно документы он попросил, я не помню. Я не помню, предъявил ли Смоляков ему документы».

Данное показание передано неверно. Адвокат Галиев не задавал воп-

рос, представился ли начальник милиции, подойдя к Смолякову. Уткин не говорил, что «я не помню, предъявил ли Смоляков ему документы».

В действительности Уткин сказал:

«Слышал, как начальник сказал водителю предъявить документы. Водитель предъявил документы».

Далее Уткин сказал:

«Я вышел, стоял начальник милиции. Я его поздравил с днем милиции. Стоял водитель. Чего ты здесь шумишь, поздравь лучше начальника милиции с днем милиции. Здесь - предъявите документы. Здесь - хорошо на повышенных тонах. Я его успокоил, сказал - требуют предъявить документы, предъяви. Он предъявил документы, вроде документы нормальные».

На вопрос судьи «Но документы предъявлялись?» Уткин ответил: «Да».

На вопрос судьи «В вашем присутствии?» Уткин ответил: «Да, в моем присутствии он показывал документы».

Здесь уже видно, как составители протокола пытаются скрыть свидетельство А. Уткина о том, что таксист предъявил документы по требованию начальника милиции.

Передав в суд замечания на протокол, Е. Смоляков стал ждать извещение о судебном заседании. Но так и не дождался. Заседание прошло без него. Из определения суда, полученного по почте, Е. Смоляков узнал, что все его замечания отвергнуты судьей К. Лях: *«Рассмотрев замечания на протокол судебного заседания, сопоставив их с протоколом судебного заседания, считаю, что изложенные в 43 пунктах замечания на протокол судебного заседания не имели места в судебном заседании и являются необоснованными. Показания свидетелей и потерпевших в протоколе судебного заседания записаны полно и правильно, реплики участников судебных прений также отражены».*

Через некоторое время Е. Смоляков получил сообщение о дате, назначенной для рассмотрения его кассационной жалобы в областном суде.

Составив дополнения к кассационной жалобе с учетом результатов ознакомления с протоколом судебного заседания и приложив к ним замечания на протокол и компакт-диск с аудиозаписью судебного разбирательства, Е. Смоляков решил отвезти их в областной суд. Прибыв в Могилев, он попытался отдать привезенные документы в канцелярию суда. Но секретарь отказалась их брать, ссылаясь на то, что срок для этого будто бы уже пропущен. Потом, когда по настоянию Е. Смолякова она открыла закон и убедилась, что ошибается, секретарь согласилась взять жалобу, но почему-то без приложенного компакт-диска. Не помог даже визит к заместителю председателя суда И. Прошко. Так и не поняв причину отказа в приеме жалобы со всеми приложениями, Е. Смоляков зашел на почту и отправил жалобу в суд заказным письмом.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА

Через пять дней, 13 декабря судебная коллегия по уголовным делам Могилевского областного суда под председательством судьи Г. Аксененко рассмотрела кассационную жалобу Е. Смолякова на приговор, вынесенный районным судом, и дополнения к ней. Заслушав доклад Г. Аксененко, объяснения Е. Смолякова, его защитника А. Галиева, обоснование прокурора отдела областной прокуратуры А. Ковалева, коллегия отменила приговор, направив дело на новое рассмотрение.

В определении, принятом коллегией, указано, что, положив в основу обвинения только показания милиционеров, суд не принял мер к тому, чтобы допросить других свидетелей конфликта, происшедшего на автостанции, хотя было достоверно установлено, что в то время в микроавтобусе обвиняемого находились и другие пассажиры.

В определении отмечено, что в ходе судебного следствия не было установлено, в чей именно адрес обвиняемый высказывал оскорбительные слова.

Помимо этого, коллегия указала, что суд, расценив выражение «вот и свора приехала» как слова, содержащие неприличную форму оценки чести и достоинства работников милиции, тем не менее в приговоре не указал, в связи с чем в данной обстановке указанное высказывание являлось оскорбительным, ничем не мотивировал и вывод о том, что оскорбление было выражено в неприличной форме.

Что касается обвинения в заведомо ложном доносе, то по этому поводу коллегия сделала заключение о том, что надлежащим образом не исследованы и по существу не опровергнуты доводы обвиняемого о совершении кражи из его микроавтобуса.

Суд в приговоре указал, что Смоляков, открыв сам замок задней двери принадлежащей ему автомашины, имитировал возможность проникновения в ее салон посторонних лиц и совершения кражи имущества и денег, после чего написал ложный донос и сделал это из-за неприязни к работникам милиции в связи с задержанием.

Оценивая этот вывод, коллегия отметила, что он основан на предположениях и не подтвержден объективными доказательствами.

Помимо этого, как указано в определении, суд не дал оценки тому обстоятельству, что на протяжении трех суток, в течение которых обвиняемый находился в ИВС, его автомашина находилась на улице недалеко от РОВД, и суд не выяснил, у кого находились ключи и пульт от автомашины на протяжении этого времени, могли ли воспользоваться этими ключами и пультом посторонние лица для проникновения в автомашину обвиняемого.

Не оставила в стороне коллегия и результаты повторного осмотра автомобиля, проведенного судом с участием специалиста инженера Пахомова.

Коллегия указала, что ссылка на мнение специалиста, участвовавшего в осмотре микроавтобуса как на доказательство, опровергающее доводы обвиняемого, сделана в нарушение требований закона, т.к. специалист вызывается для участия и оказания содействия в производстве процессуальных действий, он не наделен правом давать заключения и поэтому суд не вправе при оценке доказательств ссылаться на его выводы.

В итоге коллегия определила, что вывод суда о виновности Е. Смолякова в публичном оскорблении представителя власти в связи с выполнением им служебных обязанностей и заведомо ложном доносе о совершении преступления сделан на неполно исследованных материалах дела и не соответствует обстоятельствам дела.

Помимо этого, коллегия приняла частное определение о нарушении закона и волоките, допущенных при рассмотрении данного уголовного дела в суде Глуского района.

В нем говорилось, что после судебных прений и последнего слова обвиняемого судебное следствие было возобновлено, хотя оснований для этого не имелось. Судом неоднократно объявлялись неоправданные перерывы в судебном заседании, а после перерыва, объявленного 27.09.2005 до 4.10.2005, суд, вместо того, чтобы продолжить судебное разбирательство, начал судебное заседание заново со стадии подготовительной части.

Коллегия определила довести данные факты нарушений закона до сведения начальника управления юстиции Могилевского облисполкома А.С. Маймусова для соответствующего реагирования.

ПРОТЕСТ ПРОКУРОРА

Дождавшись, когда спустя три недели дело вернулось из Могилева в районный суд, Е. Смоляков в очередной раз осмотрел материалы дела и с удивлением увидел там кассационный протест прокурора Глусского района И. Савостеева на приговор суда. До этого такого документа в деле не было. Прочитав его, он удивился еще больше. Оказалось, И. Савостеев тоже не был согласен с приговором практически по тем же причинам, что и сам обвиняемый, и также требовал его отмены.

Так, в протесте было указано, что в ходе судебного следствия не установлено, в чей именно адрес обвиняемый высказывал оскорбительные слова. Там же говорилось, что суд, расценив выражение «вот и свора приехала» как слова, содержащие неприличную оценку чести и достоинства работников милиции, тем не менее в приговоре не указал, в связи с чем в данной обстановке указанное высказывание являлось оскорбительным, ничем не мотивирован вывод о том, что оскорбление было выражено в неприличной форме, поскольку слово «свора» само по себе является общеупотребительным, и данное обстоятельство подлежало обязательной оценке, в том числе и по результатам соответствующей экспертизы с учетом конкретной ситуации. В протесте И. Савостеев также усомнился в том, что показаний одних милиционеров достаточно для вынесения вердикта и указал, что в ходе судебного следствия было достоверно установлено, что в момент конфликта в микроавтобусе обвиняемого находились и другие пассажиры, однако, они допрошены не были, хотя их показания имели важное значение для объективной оценки показаний обвиняемого и потерпевших относительно обстоятельств конфликта, а также и для вывода о том, являлось ли оскорбление публичным.

В протесте были подвергнуты сомнению выводы суда о совершении кражи имущества и денег Е. Смоляковым, сделанные на основании заключения специалиста, приглашенного государственным обвинителем.

А итоговые заключения И. Савостеева выглядели просто разгромно: в судебном заседании не были использованы доказательства, имеющие значение для правильного разрешения дела, о существовании которых суду было известно; при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, в постановлении не указано, по каким основаниям суд принял одно из этих доказательств и отверг другие.

Этот протест оказался датирован 21.10.2005, то есть был составлен еще до того, как Е. Смоляков подал в суд кассационную жалобу.

При этом обвиняемый не был ознакомлен с ним, как это должно быть по закону. Причем 9 декабря, спустя полтора месяца после подачи протеста, когда Е. Смоляков ездил в областной суд, чтобы передать дополнения к кассационной жалобе, он смотрел дело, но протеста прокурора там не было. В то же время в определении, принятом коллегией областного суда, есть ссылка на этот протест. То есть, судя по всему, протест все-таки попал в областной суд до рассмотрения кассационной жалобы.

На протесте начертана резолюция: «Назначить дело по протесту в облсуде на 13.12.05 г», под которой стоит подпись судьи К. Лях.

Но на жалобу по поводу нарушения права на ознакомление с кассационным протестом К. Лях ответила: «На Ваше заявление от 18.01.2006г. сообщаю, что протест прокурора Глусского района на приговор суда от 14.10.2005г. в суд Глусского района не поступал. В кассационную инстанцию уголовное дело было направлено по Вашей жалобе. Сведениями, когда прокурором направлен протест в кассационную инстанцию суд не располагает».

Аналогичная жалоба, направленная Е. Смоляковым в областной суд, была переправлена в районный суд, после чего судья К. Лях опять ответила, что ей ничего не известно о протесте прокурора.

Как и когда этот документ попал в дело, выяснить не удалось. Загадка с прокурорским протестом так и осталась неразгаданной.

НОВОЕ РАССМОТРЕНИЕ

6 января 2006 года суд Глуского района начал новое рассмотрение дела, на сей раз под председательством судьи Нины Долгих. В роли государственного обвинителя после фиаско прокурора выступила его помощник Ирина Ходневич.

На первом заседании она повторила все обвинения, которые были выдвинуты против Е. Смолякова прокурором И. Савостеевым в ходе предыдущего разбирательства.

Эти обвинения заключались в том, что *4 марта 2005г., в 18-ом часу, Смоляков Евгений Михайлович, 1977 года рождения, являясь индивидуальным предпринимателем, осуществляющим перевозки пассажиров и находясь около автостанции на ул. Кирова г.п. Глуска умышленно унизил честь и достоинство сотрудников Глусского РОВД в связи с выполнением ими служебных обязанностей.*

Так, он на предложение представителя власти - начальника Глусского РОВД Лопуха Г.А., находившегося в форменной одежде, предъявить документы на право осуществления перевозок пассажиров с территории автостанции г.п. Глуска, ответил отказом, вел себя вызывающе. Когда же по указанию начальника Глусского РОВД Лопуха Г. А. к месту происшествия прибыли сотрудники Глусского РОВД Силич А.И., Потапенко М.А., Чирковский А.С., Голомако В.М. и Касько И.В., также находившиеся в форменной одежде работников милиции и при исполнении служебных обязанностей, Смоляков Е.М., публично, в присутствии посторонних граждан, желая унизить их честь и достоинство, а также Лопуха Г.А., как начальника Глусского РОВД, пренебрежительно высказался в их адрес словом «Свора».

Своими действиями Смоляков Е.М. совершил публичное оскорбление представителя власти в связи с выполнением им служебных обязанностей, т.е. преступление, предусмотренное ст. 369 УК РБ.

Он же, 12 мая 2005г., в дневное время, будучи предупрежденным об уголовной ответственности по ст.ст. 400, 401 УК РБ обратился в Глусский РОВД с заведомо ложным доносом - письменным заявлением о якобы совершенной из его автомашины «Форд-транзит» г.н. 84-58 ТА1 краже набора ключей и денег в сумме 500 тысяч рублей, зная, что данного преступления не совершалось.

Своими действиями Смоляков Е.М. совершил заведомо ложный донос о совершении преступления, т.е. преступление, предусмотренное ч. 1 ст.400 УК РБ.

Выслушав И. Ходневич, обвиняемый, так же как и его защитник А. Галиев в очередной раз отвергли все обвинения, как необоснованные.

После этого суд заслушал показания начальника РОВД Г. Лопуха и его подчиненных А. Силича, М. Потапенко, А. Чирковского, В. Круглова и С. Глаза, а также директора автопарка А. Сытько и военкома А. Уткина. Они мало отличались от тех, которые эти свидетели давали при предыдущем рассмотрении дела. Это заседание стало рекордным по продолжительности за весь период рассмотрения данного уголовного дела в суде. Оно длилось 4 часа. Тем не менее, закончить рассмотрение за один день не удалось.

На следующий вечер, когда Е.

Смоляков на своем микроавтобусе с пассажирами ехал по шоссе, около СШ № 3 его обогнали «Жигули», подрезав его. Таксист остановился. Из «Жигулей» вышел начальник РОВД Г. Лопух и заявил, что Е. Смоляков не уступил ему дорогу и поэтому должен проследовать в РОВД. Таксист отказался, так как ничего подобного не совершал и не чувствовал за собой никакой вины.

Через некоторое время около ресторана «Птичь» его остановил сотрудник ГАИ С. Глаз, который заявил, что Е. Смоляков не уступил дорогу начальнику РОВД, и потребовал у него документы. Таксист отказался, так как не был в этот момент за рулем автомашины, а шел пешком. Тогда милиционер схватил его за грудь и стал трясти, требуя документы. Свидетелями происшедшего стали знакомые Евгения, которые были в этот вечер с ним. Возмущенный милицейским произволом, таксист обратился с жалобой к прокурору района.

Через некоторое время Е. Смоляков получил ответ из прокуратуры, в котором сообщалось, что он был остановлен начальником РОВД по причине того, что по мнению последнего нарушил правила дорожного движения, выезжая со второстепенной дороги и не уступив ему дорогу.

В ответе было сказано, что по указанию начальника РОВД сотрудник ГАИ Глаз С.С. в тот же день, в вечернее время, потребовал у Смолякова Е.М. водительские документы, чтобы составить протокол об административном правонарушении. Впоследствии, взяв объяснение у Купчени Д.А., не установив в действиях Смолякова Е.М. каких-либо нарушений правил дорожного движения, Глаз С. С. принял решение не составлять протокол об административном правонарушении. В связи с тем, что сотрудник ГАИ Глусского РОВД Глаз С.С. возле ресторана «Птичь» 07.01.2006г. в вечернее время проявил грубость и необоснованное применение физической силы, прокуратурой района в отношении его возбуждено дисциплинарное производство, которое направлено для рассмотрения начальнику Глусского РОВД.

Через некоторое время в ответ на свой дополнительный запрос Е. Смоляков узнал, что инспектор по административной практике отделения ГАИ Глусского РОВД старший лейтенант милиции Глаз С. С. приказом начальника РОВД от занимаемой должности освобожден.

На следующем заседании суд в очередной раз заслушал сотрудников РОВД И. Касько и А. Ермакова, которые снова повторили свои показания.

А вот врач районной больницы Владимир Мягков впервые был вызван в суд. В тот мартовский день он с ребенком собирался ехать в Бобруйск и был среди пассажиров, которые находились в микроавтобусе Е. Смолякова, причем сидел рядом с водителем. В. Мягков показал, что не слышал каких-либо оскорбительных высказываний со стороны водителя микроавтобуса, так же, как и слова «свора».

В суде. Слева направо: Е. Смоляков, М. Смоляков, А.Галиев. 25 января 2006 г.

Впервые оказался в зале суда и начальник штаба РОВД Юрий Войтеховский, который подтвердил, что тоже присутствовал на месте событий в тот день.

После него выступили отец Евгения М. Смоляков и житель дома № 4 по ул. Пушкина Д. Векшин. Объяснения Д. Векшина наряду с объяснениями других жильцов дома, около которого три дня стоял микроавтобус, послужили участковому инспектору Д. Голомако основанием для отказа в возбуждении уголовного дела по факту повреждения колес. Д. Векшин, как и во время предыдущего рассмотрения дела, подтвердил, что не давал никаких объяснений участковому инспектору Д. Голомако, и подпись, которая стоит под объяснениями, написанными от его имени, ему не принадлежит.

Следующее заседание началось с допроса участкового инспектора милиции РОВД Д. Голомако, который подтвердил, что проводил проверку по факту пореза колес в микроавтобусе Е. Смолякова и, опросив жильцов дома, около которого стоял этот микроавтобус, установил, что никто ничего не видел и не слышал в связи с этим. Он отказал в возбуждении уголовного дела в связи малозначительностью нанесенного ущерба, так как эта сумма составляла семьсот пятьдесят тысяч рублей, в то время, как для возбуждения дела по статье об умышленной порче имущества необходимо, чтобы она была не меньше миллиона рублей. На вопрос о том, каким образом были подделаны объяснения Д. Векшина, Д. Голомако ответил, что не знает.

Удовлетворившись этим объяснением, суд перешел к допросу сотрудников изолятора временного содержания РОВД. Милиционеры Цыплаков, Прыжок и Козин рассказали о порядке содержания заключенных в ИВС и о том, как хранятся вещи задержанных. Судью интересовало, возможно ли было кому-либо получить ключи от микроавтобуса Е. Смолякова, в то время, как он находился в ИВС. Сотрудники ИВС объяснили, что дежурного сотрудника фактически запирают в изоляторе вместе с задержанными, когда он заступает на смену, и он находится там на протяжении всего дежурства. Его выпускают только по окончании смены. Весь этот период дежурный отрезан от внешнего мира. Вещи задержанных хранятся в сейфе, и передаются по описи от одного дежурного другому.

На следующем заседании вновь был допрошен милиционер В. Голомако, который подтвердил свои прежние показания по поводу оскорбления.

После него суд заслушал Ольгу

Насанович, также бывшую среди пассажиров в микроавтобусе Е. Смолякова, которая отсутствовала в списке свидетелей при предыдущем рассмотрении. Она заявила, что не слышала ни каких-либо оскорблений, ни слова «свора» от таксиста.

Затем суд сделал паузу, чтобы дождаться свидетеля Елагина, бывшего помощника военкома, который тоже был пассажиром «маршрутки». Его включили в список свидетелей по ходатайству государственного обвинителя. Но Елагин так и не появился в зале суда. Государственный обвинитель заявила, что местонахождение этого свидетеля неизвестно, и отказалась от намерения его допросить.

На следующем заседании в суде давал показания Леонид Кирнажицкий, начальник ИВС, которого раньше также не было в списке свидетелей. Он рассказал некоторые подробности о порядке содержания заключенных в изоляторе временного содержания и подтвердил, что в период пребывания задержанного в изоляторе возможность воспользоваться его вещами, которые там хранятся, полностью исключена для кого-либо.

После него в суде выступил директор совхоза «Вильча» В. Валеев, который в мае 2005 года работал в РОВД следователем и участвовал в осмотре микроавтобуса, проведенного 12 мая после освобождения Е. Смолякова, а за месяц до этого возбудил уголовное дело по обвинению таксиста в оскорблении. В. Валеев также впервые был вызван в суд в качестве свидетеля. Он подтвердил показания эксперта-криминалиста А. Ермакова, с которым они вместе проводили осмотр «маршрутки».

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Затем государственный обвинитель выступила с ходатайством о проведении лингвистической экспертизы на предмет того, можно ли считать слово «свора» оскорблением. Она предложила поручить ее преподавателям Могилевского государственного педагогического университета. Обвиняемый и его защитник не возражали против заявленного ходатайства.

После удаления в совещательную комнату судья Н. Долгих огласила постановление, которым полностью удовлетворила ходатайство государственного обвинителя.

Затем между сторонами началась дискуссия о том, какие вопросы необходимо поставить перед экспертами.

В итоге с учетом мнения, высказанного защитником А. Галиевым, на разрешение судебно-лингвистической экспертизы был поставлен вопрос: «Является ли слово «свора», высказанное в адрес одного конкретного лица, либо в отношении круга лиц, при вышеуказанных обстоятельствах, оскорблением, т.е. унижением чести и достоинства личности, выраженном в неприличной форме».

В такой формулировке он и вошел в постановление, оглашенное судьей Н. Долгих после повторного удаления в совещательную комнату.

Производство по делу было приостановлено до окончания экспертизы.

Через месяц суд собрался на очередное, шестое по счету заседание.

Оно началось с того, что государственный обвинитель, по чьей инициативе проводилась экспертиза, огласила заключение экспертов.

Дословно оно звучало так:

«Комиссия в составе доктора филологических наук профессора В.И.Роговцова и кандидатов филологических наук доцентов А.С.Лавшук и Е.К.Сычовой, ознакомившись с материалами дела № 33, пришла к заключению, что слово «свора» употреблено в переносном значении, Т.К. конкретная личность (Иванов, Петров, Сидоров...) не может иметь никакого отношения ни к породе собак (борзые), ни к ремешку, на котором водят охотничьих собак. Следовательно, слово «свора» означает: сборище, шайка. В толковых словарях (см., например: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М, 1986. с. 612) слово «свора» употреблено с пометой «презр». (презрительное).

Комиссия считает, что слово «свора» частично несёт в себе оттенок «презрения», «неодобрения», «пренебрежения» к тем, к кому оно употреблено. Вместе с тем, оно может употребляться и с оттенком иронии и даже шутки, (в зависимости от ситуации), но никак не может быть бранным, ругательным, а поэтому оскорблением не является».

Таким образом, то, что так долго и упорно пытались объяснить обвинению и суду обвиняемый и его защитник еще во время первого рассмотрения дела, было полностью подтверждено учеными-лингвистами.

Наряду с лингвистической экспертизой суд первоначально собирался также провести осмотр микроавтобуса, как это указывалось в определении судебной коллегии областного суда.

Но после проведения лингвистической экспертизы государственный обвинитель отказалась от проведения исследований микроавтобуса, так как по прошествии такого длительного времени бессмысленность этой экспертизы стала очевидной всем.

Затем суд приступил к оглашению материалов дела.

Предав гласности документы, имеющиеся в деле, суд перешел к прениям.

В своем заключительном слове государственный обвинитель И. Ходневич указала, что считает вину Е. Смолякова доказанной в полном объеме по обеим статьям обвинения, и потребовала назначить ему наказание в виде денежного штрафа в размере 40 базовых величин (1 240 000 руб.) по обвинению в оскорблении и 30 базовых величин (930 000 руб.) по обвинению в заведомо ложном доносе.

Она, в частности, заявила, что вина подсудимого в подаче заведомо ложного заявления подтверждается показаниями свидетеля Векшина Д.Н., живущего в доме, рядом с которым в течение трех суток стоял микроавтобус, который заявил в суде, что в период с 8 по 12 мая в основном находился дома и не слышал, срабатывала ли тогда сигнализация в этом микроавтобусе.

Помимо этого, по ее словам вина обвиняемого в этом преступлении также подтверждается тем, что в своем заявлении, поданном в РОВД, он пишет только о пробитых колесах микроавтобуса, и ничего не упоминает о пропавших из него деньгах и гаечных ключах.

Как сказала И. Ходневич, вина Е. Смолякова также подтверждается показаниями свидетеля Цыплакова Н.А. и потерпевшего Кирнажицкого Л.Н., заявивших, что вещи задержанного, включая ключи от машины, в период пребывания его в ИВС находились в сейфе, и никто, кроме сотрудников ИВС, не имел к ним доступа.

При этом государственный обвинитель заявила по поводу выводов филологов из Могилевского педагогического университета, что заключение эксперта не имеет заранее установленной силы, и предложила не принимать во внимание результаты проведенной лингвистической экспертизы.

Защитник А. Галиев заявил в прениях, что полтора десятка заседаний ушло на то, чтобы разобраться в предположениях, предложенных стороной обвинения, вместо того, чтобы обсуждать доказательства, которых фактически не было предъявлено. По его убеждению, все, что происходило в суде, уже было раньше, и с подачи обвинения второй раз приходится повторять те же самые показания и снова обсуждать их.

А. Галиев сказал: *«Я возражал против приобщения всех этих журна-*

лов, копий.

Вы думаете, я боялся, что эти документы что-нибудь доказывают? Нет. Просто сколько можно... приобщать и приобщать предположения! Доказательства нужны! Уж если возбудили по 339-й, то нужно было бы хотя бы уточнить, была нецензурная брань или не было. И прокуратура, руководствуясь законом, должна была проверить, что она направляет в суд. По этому факту я прошу вынести определение по поводу такой работы».

Защитник выразил удивление тем, что сторона обвинения отказывается принимать во внимание выводы лингвистической экспертизы, проведенной по ее же требованию.

А. Галиев оценил сложившуюся ситуацию следующим образом: *«Я понимаю, что автопарку необходимо иметь прибыль. Но все граждане Республики Беларусь обладают правом выбора - чем им пользоваться, чем не пользоваться... Если в глуском автопарке останутся только телеги и сани, что, граждан заставят на санях ездить только потому, чтобы прибыль была? Или подумают о гражданах и предоставят гражданам Республики Беларусь выбирать самим, на чем им удобнее ездить, на чем дешевле, на чем сподручнее?*

Поэтому все пятнадцать заседаний прозрачно очевидны всем - это просто целенаправленная травля предпринимателей для того, чтобы автопарк имел прибыль. Вот с чего все и началось. Только с этого. Только в этом причина, почему так долго этим занимаются, почему столько обвинений, почему хотят провести через суд и доказать виновность. Только из-за того, чтобы автопарку прибыль была. Чтобы заставить всех на телегах и на санях ездить».

Последнее слово Е. Смолякова было коротким. Он заявил, что невиновен, т.к. слова «свора» не говорил, никого не оскорблял, деньги и гаечные ключи в микроавтобусе были, но после его освобождения исчезли, в связи с чем он и обратился в милицию.

После этого судья объявила, что приговор будет оглашен через день, 3 марта, и прервала заседание.

ОПРАВДАНИЕ

3 марта судья Н. Долгих огласила приговор суда: *«Смолякова Евгения Михайловича по предъявленному ему обвинению в преступлениях, предусмотренных, ст. 369, ч. 1 ст. 400 УК Республики Беларусь оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления и недоказанностью его участия в совершении преступления».*

Но до торжества справедливости было еще далеко.

Прокурор И. Савостеев опротестовал вынесенный приговор.

И. Кирин

Адвокат А. Галиев (слева) и его подзащитный Е. Смоляков у здания областного суда после вступления в силу оправдательного приговора. 6 апреля 2006 г.

В своем протесте он выразил несогласие с выводами суда, мотивировав его тем, что пять потерпевших сотрудников РОВД восприняли слово «свора» как оскорбление, адресованное в их адрес, в то время, как в приговоре указано, что не усмотрено, в чей именно адрес Смоляков Е.М. высказал слово «свора» и то, что оно было сделано публично.

Прокурор подверг сомнению заключение экспертов, указав, что ими дан неконкретизированный ответ, который может трактоваться по-разному, в зависимости от ситуации, в то время как по существу на заданный судом вопрос экспертами ответ не дан.

Кроме того, он заявил, что в нарушение закона члены комиссии не предупреждены об уголовной ответственности, а в заключении отсутствуют сведения о членах комиссии и о том, какие материалы использовали эксперты и какие произвели исследования.

В своем протесте прокурор утверждал, что не были исследованы обстоятельства, которые позволили бы с достоверностью установить факт проникновения посторонних лиц в салон микроавтобуса, либо отвергнуть его и тем самым доказать, что в салон автомобиля можно проникнуть только лицо, имеющее в своем распоряжении ключ и пульт сигнализации.

6 апреля в Могилеве состоялось заседание судебной коллегии по уголовным делам областного суда под председательством заместителя председателя областного суда И. Прошко. Выслушав доклад судьи областного суда М. Мельникова, объяснения Е. Смолякова, его защитника А. Галиева, обоснование прокурора отдела областной прокуратуры С. Кошнеровой, поддержавшей протест прокурора Глуского района, коллегия оставила без изменения вынесенный приговор, а кассационный протест - без удовлетворения.

Таким образом, пройдя через десяток допросов, пятимесячное следствие, подвергшись двум задержаниям, лишению свободы, подпав под ограничение свободы в виде подписки о невыезде, приняв участие в 18-ти судебных заседаниях, будучи признан подозреваемым, затем - обвиняемым, и, в конце концов - виновным, направив десятки обращений в различные инстанции, таксист Евгений Смоляков добился того, что вначале одно, а затем остальные два уголовных дела, возбужденных в отношении него, были признаны незаконными. Это заняло у него год.

Но, дождавшись оправдательного приговора, Е. Смоляков на этом не остановился, а стал добиваться возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов следствия. Ведь в законе (ст. 460 уголовно-процес-

суального кодекса) прямо говорится, что вред, причиненный гражданину в результате незаконного задержания, содержания под стражей, осуждения, возмещается государством в полном объеме независимо от вины дознавателя, органа дознания, следователя, прокурора или суда.

Подсчитав все понесенные материальные и моральные издержки, Е. Смоляков обратился с иском о возмещении вреда в суд. Но суд отказался рассматривать его заявление без заключения о признании незаконными действий органа, производившего расследование уголовного дела.

Как оказалось, для данной категории дел законом установлен порядок предварительного внесудебного разрешения дела. Но практики по таким делам почти нет. И это неудивительно. Ведь оправдательный приговор - большая редкость для белорусского правосудия. Так, в прошлом году в республике было вынесено всего семь оправдательных приговоров, причем шесть из них - Верховным Судом. Об этом сообщила Энира Броницкая (гражданская инициатива «Партнёрство») в интервью газете «Народная воля», которая она дала после выхода из заключения.

Тем не менее, следуя рекомендации суда, Е. Смоляков обратился с соответствующим заявлением в районную прокуратуру.

Спустя месяц он получил постановление прокурора района о признании права на возмещение имущественного вреда, причиненного незаконным задержанием. В постановлении разъяснялось, что с требованием о возмещении вреда он вправе обратиться в орган, ведущий уголовный процесс. Как впоследствии Евгению объяснил прокурор, этим органом является в данном случае опять же прокуратура.

Е. Смоляков составил необходимое заявление и направил его в районную прокуратуру. Имущественный вред он оценил в сумме более трех миллионов рублей, включив сюда расходы на юридическую помощь, ремонт микроавтобуса, проезд в Могилев на заседания коллегии областного суда, потерянные доходы из-за простоя, а моральный вред - в сумме тридцать миллионов рублей.

Через месяц Е. Смоляков получил постановление прокурора района, обязывающее финансовый отдел Глусского райисполкома возместить ему потерянный заработок, затраты на поездки в областной суд и получение юридической помощи на общую сумму 1 904 800 рублей.

Для возмещения ущерба, причиненного действиями сотрудников Глусского РОВД, не обеспечившими сохранность микроавтобуса и находящегося там имущества, прокурор рекомендовал Е. Смолякову обратиться в суд, так же, как и для взыскания компенсации за моральный вред.

Дождавшись от райфинотдела выплаты компенсации, которая была произведена далеко не сразу, так как райисполком посчитал необходимым рассмотреть данную ситуацию на специальном заседании, Е. Смоляков в соответствии с рекомендациями прокурора обратился в суд с иском к Глускому РОВД о возмещении материального и морального вреда, причиненного незаконными действиями сотрудников РОВД, задержавших его в качестве подозреваемого в совершении преступления без достаточных на то оснований, не обеспечивших сохранность имущества задержанного, а также осуществлявших уголовное преследование с нарушением уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Сумма материального ущерба, заявленная в иске, составляла 1 530 000 руб., морального - 30 миллионов рублей.

5 марта 2007 г. под председательством судьи Н. Долгих состоялось судебное заседание, на котором иск был рассмотрен.

В качестве соответчика суд определил наряду с Глуским РОВД также Министерство финансов, представителем которого выступил Василий Царик из финансового отдела райисполкома. Интересы РОВД в суде представлял начальник штаба Ю. Войтеховский. От прокуратуры на суде был прокурор района И. Савостеев.

В начале заседания Ю. Войтеховский заявил ходатайство о прекращении дела в связи с неправильным определением ответчика. Сославшись на постановление Пленума Верховного Суда, он сказал, что ответчиком по подобным делам должна выступать государственная казна, а не райотдел.

Выслушав заключение прокурора, полагавшего, что ответственность по возмещению морального вреда должно нести Министерство финансов, а материального - непосредственный виновник происшедшего, суд отклонил ходатайство представителя РОВД.

Начав рассмотрение дела, судья задала традиционный в таких случаях вопрос о том, признают ли ответчики заявленные исковые требования.

К удивлению присутствующих, Ю. Войтеховский ответил на заданный вопрос утвердительно. И только будучи переспрошенным несколько раз, изменил свое мнение на противоположное.

В. Царик в принципе признал обоснованными выдвинутые исковые требования в части возмещения морального вреда, заявив при этом, что указанная сумма слишком велика для государственной казны, которая в состоянии выплатить только 200 000 руб.

Опросив всех участников процесса и выяснив обстоятельства возбуждения сотрудниками РОВД уголовных дел по обвинению Е. Смолякова в оскорблении должностных лиц и хулиганстве на автостанции и рассмотрения их в суде, судья огласила документы дела, после чего перешла к прениям.

В отличие от уголовных дел, которые послужили основанием для данного гражданского дела, никто не требовал вызова свидетелей, и за два часа судебное разбирательство подошло к заключительному этапу.

В прениях представитель РОВД опять вызвал легкое удивление у присутствующих, заявив, что не признает выдвинутых исковых требований, так как Е. Смолякову нужно было подчиниться начальнику РОВД и не устраивать скандалов на автостанции и он сам виноват во всем случившемся с ним.

В своем выступлении прокурор признал обоснованными требования Е. Смолякова как по возмещению материального, так и морального вреда, подвергнув сомнению только сумму возмещения морального вреда и посчитав ее завышенной.

После проведенного разбирательства судье потребовался один час, чтобы принять решение.

В соответствии с ним райотдел внутренних дел обязывался выплатить Е. Смолякову 1 430 000 рублей в возмещение материального вреда, в то время как моральный вред в сумме 500 000 рублей должен быть компенсирован за счет казны Республики Беларусь.

В отличие от предыдущих случаев с принятым решением согласились все стороны. Оно не было обжаловано и вступило в законную силу спустя десять дней после принятия. Определенные судом суммы были взысканы по исполнительному листу вначале с финансового отдела райисполкома, а затем с отдела внутренних дел. Одновременно был освобожден от занимаемой должности начальник РОВД Г. Лопух. Вопрос о возмещении ущерба, нанесенного государству, и определении конкретных виновников происшедшего пока остается открытым.

P.S.

«СУЩЕСТВЕННЫХ РАСХОЖДЕНИЙ... В ПРОТОКОЛЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ НЕ УСТАНОВЛЕНО»

Вскоре после того, как приговор, вынесенный под председательством судьи К. Лях, был отменен судебной коллегией областного суда, но фальсификация протокола судебного заседания оставлена коллегией без внимания, Е. Смоляков обратился с заявлением специально по этому поводу к начальнику управления юстиции Могилевского облисполкома Александру Маймусову. А. Маймусов ответил, что рассматривать замечания на протокол судебного заседания вправе только председательствующий по делу, а управление юстиции правом рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания, а также правом пересмотра постановления, вынесенного председательствующим по результатам рассмотрения замечаний, не наделено.

После этого Е. Смоляков направил в областной суд запрос о результатах рассмотрения частного определения судебной коллегии по уголовным делам облсуда в адрес управления юстиции Могилевского облисполкома о нарушении закона и волоките, допущенных судом Глуского района под председательством судьи К. Лях при рассмотрении его уголовного дела. На этот запрос заместитель председателя областного суда И. Прошко ответил, что решением коллегии управления юстиции Могилевского облисполкома за допущенные нарушения судья Лях К.П. не представлена к премии за декабрь 2005 года.

Не удовлетворившись тем, что за служебный подлог и фальсификацию доказательств судье лишь погрозили пальчиком, в то время, как подобные факты предусматривают ответственность по двум статьям уголовного кодекса, Е. Смоляков обратился с заявлением к прокурору Могилевской области Анатолию Дудкину, которое тот направил для проверки в прокуратуру Глуского района.

Следователь прокуратуры Глуского района К. Притуленко провел проверку и в возбуждении уголовного дела по фактам фальсификации доказательств и служебного подлога отказал за отсутствием в деянии состава преступления.

В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела от 26.06.2006 указано, что в ходе данной проверки была прослушана аудиозапись судебного заседания и существенных расхождений между показаниями свидетелей и потерпевших, изложенных в протоколе судебного заседания, и аудиозаписью не установлено. Секретарь судебного заседания А. Губарь показала, что с 16.09. - по 14.10.2005 года под председательством судьи суда Глусского района Лях К.П. она вела протокол судебного заседания по уголовному делу. При составлении протокола показания свидетелей и потерпевших излагались письменно от руки, поэтому невозможно было записать показания свидетелей и потерпевших дословно, однако показания участников судебного заседания излагались наиболее полно и достоверно и никаких указаний и просьб от кого-либо из участников судебного разбирательства искажать чьи-либо показания ей не поступало.

Убедившись, что на районном и областном уровнях очевидное с легкостью превращается в невероятное, Е. Смоляков решил обратиться за помощью в республиканские органы.

22 июня 2006 г. в Глуск приехали представители Министерства юстиции и редакции газеты «Советская Белоруссия». Воспользовавшись этим случаем, отец Евгения Михаил Смоляков обратился к начальнику главного управления по делам судебных органов Министерства юстиции Александру Билейчику.

Хоть и трудно это было сделать в той сумятице, которой сопровождался этот прием, когда в одной комнате райисполкома одновременно несколько посетителей пытались поведать о своих проблемах чиновникам министерства, но М.Смоляков все-таки рассказал о фальсификации протокола судебного заседания.

Вскоре после этого он получил ответ от начальника управления организации деятельности судов Министерства юстиции А. Изварина. Он мало чем отличался от ответа, пришедшего из областного управления юстиции. В нем было сказано, что Министерство юстиции не наделено правом рассматривать замечания на протокол судебного заседания, а рассмотрение замечаний на протокол судебного заседания относится к исключительной компетенции судьи, председательствующего по делу, который по их рассмотрении выносит мотивированное постановление об удостоверении их правильности либо об их отклонении. В ответе сообщалось, что Министерство юстиции не наделено правом оценки собранных по делу доказательств и возбуждения уголовных дел, и рекомендовалось обратиться по данному вопросу в органы прокуратуры.

Авторы этой отписки вряд ли подумали, наверное, что, давая такой ответ из министерства, чьи сотрудники должны лучше, чем кто-либо другой, знать и соблюдать законы, они нарушили закон об обращениях граждан, предусматривающий, что обращения, направленные должностным лицам учреждений, в компетенцию которых не входит решение поставленных вопросов, в срок не позднее пяти дней передаются должностным лицам соответствующих органов, учреждений, организаций и предприятий с уведомлением об этом граждан. Представители минюста проявили чрезвычайную деликатность и отправили обратно заявителю его обращение, не решившись что-либо предпринять самим либо беспокоить прокуратуру. Очевидное стало невероятным и на этом уровне.

Игорь Кирин

№ 2 (4) апрель 2007 г. Глусская ПАНОРАМА

Выходит с июля 1998 г. Редактор - Игорь Кирин.
Адрес для писем: 213879, г.п. Глуск, ул. Кирова, 43-18.
Тел. 41522. E-mail: glu-cl@mail.ru
Тираж - 299 экз.